

Последнее воскресенье августа с самого начала выдалось невыносимо жарким. Солнце будто увеличилось вдвое, излучая такой сильный жар, что, казалось, бросало вызов скорым холодам.

Хотя пик жары миновал и в вечернем ветерке чувствовался слабый намек на осень, полуденное солнце все еще жгло с яростной, неумолимой энергией, словно настаивая на том, что лето еще не закончилось.

Акетто почувствовал, как на лбу и затылке у него выступили капельки пота. Дискомфорт становился невыносимым. На нем была шляпа, но она мало помогала в этой удушающей жаре.

Впервые он пожалел, что согласился стать оператором. Конечно, было приятно наблюдать за Отомо-сан через объектив камеры, но, кроме этого, эта роль не давала ему никаких преимуществ. У него почти не было времени на отдых, как и у актеров, и ему приходилось стоять на палящем солнце без тени.

Юноша не ожидал, что это будет так тяжело. Пот струился по его спине, заставляя футболку неприятно липнуть к коже. Он мечтал о тени дерева, о краткой передышке, но если бы оператор сделал перерыв, пришлось бы приостановить всю съемку.

Однако их режиссер, казалось, совершенно не обращал внимания на концепцию компромисса, отказываясь назвать один дубль «достаточно хорошим», несмотря на безжалостную жару.

Днем парк был переполнен гуляющими, и любопытные прохожие то и дело поглядывали в их сторону, отчего Акетто чувствовал себя еще более неловко. Это только заставило его потеть еще больше.

- Хорошо, давай попробуем еще раз, - крик Хаясиды прорезал душный воздух.

Такума едва сдержался, чтобы не возразить. Из его пересохшего горла грозили вырваться не самые приятные слова.

Например: «Не начинай вести себя так, будто ты какой-нибудь Хичкок или Феллини, ты, бездарь!»

Единственное, что сдерживало его раздражение, - это решимость сохранить репутацию прилежного ученика, который сохранял хладнокровие даже под давлением. К тому же, он не хотел выходить из себя перед Минако Отомо.

Как раз в тот момент, когда напряжение от повторных дублей довело Акетто до предела, внезапное ощущение пролады коснулось его щеки. Юноша испуганно поднял глаза. Это был Сунахара, который, улыбаясь, протягивал ему банку охлажденного сока.

Не дожидаясь ответа, Сунахара обратился к Хаясиде:

- Все выглядят довольно уставшими. Как насчет пятнадцатиминутного перерыва?

Хаясида, устроившийся в своем импровизированном режиссерском кресле, неохотно кивнул. Актеры и съемочная группа разбрелись в тень, и Акето тоже направился напрямиком к подножию большого дерева, с благодарным вздохом опустившись на землю. Сунахара опустился рядом с ним. Акето поморщился, но у него не хватило сил пересесть.

Он открыл «припас, присланный врагом», позволяя холодному газированному напитку распространиться по организму. Оглядевшись, он заметил, что у всех остальных тоже были напитки в руках, что означало, что Сунахара позаботился обо всех учениках.

- Не возражаете, если я присяду здесь?

Акету, который ссутулился, как выброшенная на берег рыба, немедленно выпрямился. Белое платье отбрасывало на него тонкую тень, а длинные волосы мягко колыхались в густом влажном воздухе. Отомо-сан стояла над ним, ее лицо выражало смесь нервозности и радости.

- Садись на мое место, - резко сказал Сунахара, отправляясь к дереву, под которым поселился Хаясида.

Отомо-сан бросила на него короткий неуверенный взгляд, прежде чем смиренно вздохнула и нерешительно села рядом с Акето.

Сердце юноши бешено заколотилось. Он был счастлив находиться так близко к ней, но обстоятельства уязвили его гордость. Это было похоже на подачку, и Такума возненавидел это. Он взглянул на нетронутую банку сока, которую девушка крепко сжимала в руках: пальцы обхватили ее так, словно боялись выпустить.

- Отомо-сан, тебе нравится Сунахара-сенсей?

Отомо резко обернулась, ее глаза расширились от шока, когда она посмотрела на Акето.

- Н-нет, это не...

Девушка отвела взгляд, ее лицо стало густо-красным. Но она не стала этого отрицать.

Это было единственное подтверждение, в котором нуждался Акето. Тупая, пульсирующая боль пронзила его голову, словно рев гигантского динамика. Жар и шок слились в одно.

- Так он тебе действительно нравится, да? Но у тебя есть над чем поработать. Сенсей, знаешь ли, довольно недалекий. Ты собираешься признаться?

Эти слова вырвались изо рта Такумы без особых усилий, удивив даже его самого. Отомо поднесла обе руки к покрасневшимся щекам таким невинно-застенчивым жестом, что это только сделало ее еще более милой.

- Это... так очевидно?

Акето заставила себя улыбнуться, ненавидя то, как пусто это прозвучало. Даже в такой момент, как этот, он все еще мог держать себя в руках.

- Я думаю, тебе следует быть немного откровеннее, понимаешь? Выражать свои чувства яснее.

- Это... неловко, - ответила она, понизив голос почти до шепота.

В ней была скромность, тихая грация, которые казались почти неуместными в эту эпоху, из-за чего Акето еще больше не хотела отдавать ее Сунахаре без боя.

- Хочешь, я помогу тебе?

Девушка подняла голову, и ее ясные, серьезные глаза встретились с его. Акето позволил выражению своего лица смягчиться и изобразил дружелюбную, ободряющую улыбку, тщательно создавая впечатление человека, которому можно довериться.

- Я много общаюсь с сенсеем. Я мог бы намекнуть о тебе. Ну, знаешь, ненавязчиво вставить это в разговор.

<http://bllate.org/book/12918/1134114>